

Владимир Иванович ШЕМШУЧЕНКО

родился в Караганде.

*Главный редактор журнала «Всерусский соборъ»,
газеты «Небесный всадник»,*

собственный корреспондент «Литературной газеты».

Лауреат множества литературных премий и конкурсов.

*По итогам Третьего открытого Всероссийского
конкурса поэзии в доме-музее Игоря Северянина
избран «Королём Поэтов».*

Участник шести антологий поэзии.

Автор десяти книг стихов.

Член Союза писателей России,

член Союза писателей Казахстана.



**Владимир
ШЕМШУЧЕНКО**

г. Санкт-Петербург

«Падай звездой в ночи...»

* * *

Не гляди на меня, лучше слушай, как ходит по крыше
В новогоднюю ночь петербургский неласковый дождь.
Если хочешь — кричи. Я кричал — Бог меня не услышал.
Если хочешь — уйди. Я ушёл, кабы знать, где найдёшь...

Не гляди на меня, лучше слушай, как мокрою лапой
Закопная ель одичало скребётся в стекло.
Пересилив себя, ты сумела назвать меня — папой
И сама испугалась. Давненько мне так не везло.

Не гляди на меня. Не играл я с тобою в пятнашки,
Не водил тебя в школу, не ставил превыше всего.
Приходили стихи — я раздаривал их, как ромашки...
И представить не мог, до чего доведёт мотовство.

Не гляди на меня. Как тебе объясню, что отвечу?
Вот мой стол, вот перо, вот в косую линейку тетрадь...
Не такой представлял я с тобой новогоднюю встречу.
Слава Богу, жива... Не резон мне теперь умирать.

* * *

Я просыпаюсь. Мой костёр погас.
Лишь огонёк в золе едва мерцает.
Звезда, сгорая в небе, созерцает
Меня и этот мир в последний раз.

Трава в росе. Выходит из тумана
Осина и чуть слышно шелестит.
Повремени, прошу, ещё так рано,
Ещё дорожка лунная блестит.

Ещё волна песок не разбудила,
И чайка не расправила крыло,
И тайну мне ромашка не открыла,
И воду не тревожило весло.

Ещё чуть-чуть... Настраивают скрипки
Кузнечики. К травиночке-струне
Прильнула нотка маленькой улитки,
А я её не слышу в тишине.

Ещё мгновенье, и среди ветвей
Защёлкает, раскатится, зальётся,
Вступая из-за такта, соловей,
За ним другой... И рассмеётся солнце!

О утро — несравненный музыкант!
Как можешь ты рождать такие звуки.
В отчаянье заламываю руки...
Вот мне бы на секунду твой талант!

* * *

Ненасытная печь за поленом глотает полено.
 На исходе апрель, а в тайге ещё снега по грудь.
 Скоро лёд в океан унесёт непокорная Лена,
 И жарки расцветут, и не даст птичий гомон уснуть.

Где-то там далеко облака собираются в стаи.
 Где-то там далеко людям снятся красивые сны.
 А у нас ещё ветер весёлые льдинки считает
 На озябших деревьях, и так далеко до весны.

Тишину потревожил испуганный рокот мотора —
 Не иначе сосед мой, рисковый, бывалый мужик,
 До того обалдел от безделья и бабьего вздора,
 Что по рыхлому льду через реку махнул напрямик.

И опять тишина — на сей раз проскочил-таки, леший!
 От души отлегло. Я бы так ни за что не сумел.
 В эту пору на лёд не ступают ни конный, ни пеший,
 А ему хоть бы хны — он всегда делал то, что хотел.

И за то пострадал, и срока отбывал на Таймыре,
 И на выселках жил от Верховьев до Карских ворот,
 Пил еловый отвар, кулаком плющил морды, как гирей,
 И выхаркивал лёгкие сквозь окровавленный рот.

Он глядел на меня, усмехаясь, в минуты застолья
 И на третьем стакане меня зачислял в слабаки...
 А глаза изнутри наполнялись любовью и болью —
 Так на небо глядят пережившие жизнь старики.

* * *

Дождь на Неву опустился с утра.
 Пушка ударила в небо.
 Дремлет страна, а в кармане — дыра.
 Значит, не будет хлеба.

Не удалось ничего накопить
 Выходцам из барака.
 Смирно «АВРОРА» сидит на цепи,
 Словно больная собака.

* * *

Петь не умеешь — вой.
 Выть не сумел — молчи.
 Не прорастай травой.
 Падай звездой в ночи.

Не уходи в запой.
 Не проклинай страну.
 Пренебрегай толпой.
 Не возноси жену.

Помни, что твой кумир
 СЛОВО, но не словцо.
 И удивлённый мир
 Плюнет тебе в лицо.

* * *

В предчувствии первого снега
 Трепещет больная душа.
 И ночь хороша для побега.
 И вольная мысль хороша.

Бреду по сиротской дороге
 Под мертвенным светом луны...
 Мы все вспоминаем о Боге,
 Когда никому не нужны.

* * *

Я не страдаю от режима
 И не меняю баш на баш.
 Пишу без всякого нажима —
 Я экономлю карандаш.

Меня не били смертным боем
 За дилетантские стихи.
 Меня водили под конвоем
 За настоящие грехи.

ПАМЯТИ ПОЭТОВ, РОЖДЁННЫХ В 50-х

Как хотелось нам жить! Что ни спор — Новгородское вече!
 Как ходили мы слушать известных поэтов гуртом!
 Осень тихо вошла, положила мне руки на плечи...
 Умный пёс не залаял — вильнул виновато хвостом.

Вот ещё один день и такой же безрадостный вечер.
 (За такую строку изругают в заштатном лито.)
 Мы толпились в дверях, разменяли таланты на речи —
 Из прихожей в Поэзию так и не вышел никто.

* * *

Золотые слова растащило по норам ворьё.
 И аукнулась нам бесконечная наша беспечность.
 Поспешаем за веком и в души несём не своё,
 На сегодняшний день обменяв человечность.

Разрастается зло, выползает из тёмных щелей.
 Погремушками слов пустозвоны гремят на рассвете.
 Встань за Родину, друг мой, молись и себя не жалея —
 От безбожных отцов не рождаются русские дети!

* * *

Империя не может умереть!
 Я знаю, что душа не умирает.
 Империя — от края и до края —
 Живёт и усечённая на треть.

Оплаканы и воля, и покой,
 И счастье непокорного народа...
 Моя печаль совсем иного рода —
 Она созвучна с пушкинской строкой.

Пусть звякнет цепь! Пусть снова свистнет плеть
 Над теми, кто противится природе!
 Имперский дух неистребим в народе.
 Империя не может умереть!

* * *

Скоро утро. Тоска ножевая.
 В подворотню загнав тишину,
 На пустой остановке трамвая
 Сука песню поёт про луну.

Вдохновенно поёт, с переливом,
 Замечательно сука поёт.
 Никогда шансонеткам сопливым
 До таких не подняться высот.

Этот вой ни на что не похожий,
 Этот гимн одинокой луне —
 Пробегает волною по коже,
 Прилипает рубашкой к спине.

Пой, бездомная! Пой, горевая!
 Под берёзою пой, под сосной,
 На пустой остановке трамвая,
 Где любовь разминулась со мной.

Лунный свет я за пазуху прячу,
 Чтоб его не спалила заря.
 Плачет сука, и я с нею плачу,
 Ненавидя и благодаря.